

УДК 364.144

ФРОЛОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

д.э.н., профессор, Томского государственного университета,
e-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

МАЛАНИНА ВЕРОНИКА АНАТОЛЬЕВНА

к.э.н., доцент Томского политехнического университета
e-mail: milanskaya@mail.ru

КЛЕМАШЕВА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА

к.э.н., лаборант МНОЛ ТУБПЛ Томского политехнического университета,
e-mail: klemaha@mail.ru

КАШАПОВА ЭЛЬМИРА РАМИСОВНА

лаборант МНОЛ ТУБПЛ Томского политехнического университета,
e-mail: elmira6280@yandex.ru

ДУКАРТ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

к.и.н., доцент Томского политехнического университета
e-mail: dukart@mail.ru

КАСАТИ ФАБИО

PhD, ведущий научный сотрудник МНОЛ ТУБПЛ
Томского политехнического университета,
e-mail: casati@tpu.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2019-11-268-275

ОЦЕНКА МАСШТАБОВ НЕРАВЕНСТВА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РОССИИ¹

Аннотация. В данной статье проведена оценка параметров неравенства пожилых людей в регионах Российской Федерации. Проведен расчет децильных и квинтильных коэффициентов дифференциации доходов пожилых людей на основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2016 год. Выявлена высокая степень дифференциации доходов старшего поколения в зависимости от региона проживания по децильному коэффициенту от 9,76 до 2,43. Среднее значение децильного коэффициента для старшего поколения в регионах России составило 4,51, квинтильного — 3,12, что значительно меньше, чем для трудоспособного населения, для которого средние значения коэффициентов составили соответственно 10,2 и 6,2. Анализ также свидетельствует о потенциально разнонаправленном воздействии наличия детей в домохозяйстве на параметры неравенства старшего поколения. Почти в 70 % регионов степень неравенства растет при включении в выборку домохозяйств с детьми. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при корректировке мер региональной социальной политики, направленной на борьбу с бедностью и неравенством. Меры, эффективные в отношении людей трудоспособного возраста, не всегда будут таковыми для лиц старшего поколения. Сделан вывод о наличии высокого уровня неравенства среди пожилых людей в субъектах Российской Федерации, сформированных по национально-территориальному принципу и имеющих статус республик и автономных округов. Для части таких субъектов характерны высокие медианные доходы граждан пенсионного возраста (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа), для других (Республика Тыва, Республика Дагестан, Республика Алтай) — низкие. Таким образом, медианные доходы для регионов России не являются достаточным маркером уровня неравенства в отношении лиц старшего поколения.

Ключевые слова: неравенство, доходное неравенство, благополучие, пожилые люди.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 19-18-00282 «Разработка комплексной системы оценки неравенства пожилых людей и проектирование инструментов укрепления их жизнестойкости».

FROLOVA ELENA ALEXANDROVNA

doctor of Economics, Professor, Tomsk state University,
e-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

MALANINA VERONIKA ANATOLIEVNA

Ph. D. in Economics, associate Professor Tomsk Polytechnic University
e-mail: milanskaya@mail.ru

KLEMASHEVA ELENA IGOREVNA

Ph. D., assistant MMOL DUBPL Tomsk Polytechnic University,
e-mail: klemaha@mail.ru

KASHAPOVA ELMIRA RAMISOVNA

laboratory MNOL DUBPL Tomsk Polytechnic University,
e-mail: elmira6280@yandex.ru

DUKART SERGEY ALEKSANDROVICH

Ph. D., associate Professor of Tomsk Polytechnic University
e-mail: dukart@mail.ru

CASATI FABIO

PhD, leading research associate of MNOL TUBPL
Tomsk Polytechnic University,
e-mail: casati@tpu.ru

ASSESSING THE EXTENT OF INEQUALITY AMONG OLDER PEOPLE IN RUSSIA

Abstract. This article assesses the parameters of inequality of older people in the regions of the Russian Federation. The calculation of decile and quintile coefficients of income differentiation of older people based on data from a Comprehensive observation of the population's living conditions for 2016. A high degree of differentiation of income of the older generation depending on the region of residence by a decile coefficient from 9.76 to 2.43 was revealed. The average value of the decile coefficient for the older generation in the Russian regions was 4.51, and the quintile coefficient was 3.12, which is significantly less than for the working-age population, for which the average values of the coefficients were 10.2 and 6.2, respectively. The Analysis also shows a potentially multidirectional impact of having children in the household on the parameters of inequality of the older generation. In almost 70% of regions, inequality increases when households with children are included in the sample. The results of the research can be used to adjust regional social policy measures aimed at combating poverty and inequality. Measures that are effective for people of working age will not always be effective for older people. It is concluded that there is a high level of inequality among older people in the subjects of the Russian Federation formed on the national-territorial principle and having the status of republics and Autonomous districts. Some of these subjects are characterized by high median incomes of citizens of retirement age (Nenets, Yamalo-Nenets, Chukotka Autonomous districts), while others (Republic of Tuva, Republic of Dagestan, Republic of Altai) are low. Thus, median incomes for Russian regions are not a sufficient indicator of the level of inequality in relation to the older generation.

Keywords: inequality, income inequality, well-being, older people.

Введение. Проблема неравенства уже долгое время остается актуальной как на уровне национальных экономик, так и на уровне мирового сообщества. В числе целей ООН в области устойчивого развития отмечается необходимость уменьшения неравенства среди стран и людей, а также сокращение масштабов гендерного неравенства. В качестве отдельных целей выделяются ликвидация нищеты, голода, обеспечение хорошего здоровья и благополучия и качественного образования [7]. Цели борьбы с неравенством тесно коррелируют с остальными в силу того, что подверженность голоду, отсутствие вакцинации и начального образования ли-

шают миллионы людей в развивающихся странах возможностей получить работу в секторах экономики с высокой добавленной стоимостью. В сущности, борьба с бедностью и есть борьба с неравенством, поскольку важнее понимать, почему бедны самые бедные, чем почему богаты богатые. Причины бедности более типичны и универсальны. Вместе с тем, если борьба с крайней бедностью, по оценкам ООН, идет относительно успешно, то внутристрановое неравенство растет [1]. По данным ООН, «до 30 процентов современного неравенства в доходах обусловлено неравенством в домохозяйствах, в том числе между женщинами и мужчинами». Основной акцент в исследованиях неравенства связан с улучшением изначальных, стартовых условий жизни человека в детском и молодом возрасте для обеспечения достаточного уровня здоровья и образования для преодоления бедности [10, 11, 12, 13, 14]. Предполагается, что в дальнейшем уже сознательные усилия человека по обеспечению собственного благополучия позволят сгладить эффекты неблагоприятной среды, в которой он был рожден.

В научной литературе сложилось устойчивое представление о возрасте как об «уравнителе» возможностей (age-as-leveler) [12], соответственно, неравенство среди пожилых людей не привлекает достаточного внимания исследователей. Накопленный жизненный опыт, социальные связи, поддержка со стороны детей, наличие пенсионных выплат и системы социальной и гериатрической помощи в значительной мере гарантируют сохранение и поддержание качества жизни в пожилом возрасте. Однако часто один или несколько компонентов обеспечения высокого качества жизни пожилых людей отсутствует по личностным или институциональным причинам. Отсутствие универсальной пенсионной системы в Китае, необходимость заботиться о молодом поколении в условиях эпидемии СПИДа в африканских странах, недоступность всеобъемлющей и доступной гериатрической помощи в России формируют национально-специфические предпосылки для возникновения или усиления неравенства в пожилом возрасте. Доходы являются традиционным, статистически доступным, но не единственным способом измерения неравенства. Нобелевский лауреат А. Сен, предложивший понимать бедность не как отсутствие ресурсов [18], а как отсутствие возможностей их эффективного использования, распространил эту концепцию и на трактовку неравенства. Таким образом, индивиды, обладающие одинаковыми доходами, могут распоряжаться ими с разной степенью эффективности. Однако при переходе от доходного неравенства к экономическому неравенству [19] для измерения результатов необходимо опираться на субъективные оценки респондентов относительно достаточности доходов и ресурсов и удовлетворенности жизнью в целом [11, 17, 16]. Опросы домохозяйств относительно размеров и источников их доходов давно стали стандартным методом сбора данных о неравенстве как в доходах, так и в потреблении.

Неверным было бы утверждать, что в понимании методик измерения неравенства и, как следствие, в оценке его масштабов исследователи достигли консенсуса. Как отмечает Капелюшников [14, с. 9], методики определения доходов населения, используемые различными статистическими службами США, дают возможность считать данную страну как имеющую наибольший (коэффициент Джини 0,45), так и наименьший (коэффициент Джини 0,23) уровень доходного неравенства среди развитых стран. Подобное снижение уровня неравенства происходит за счет полноты учета трансфертов в качестве доходов и налогов всех уровней в качестве расходов [2, 3]. Низкий уровень доходного неравенства порождает негативные эффекты в виде иждивенчества, поскольку ничтожная разница в располагаемых доходах между нижним и средним квинтилем не стимулирует наименее обеспеченных отказываться от социальных пособий в пользу работы, которая увеличивает их благосостояние на 20–30 %.

Цель исследования – определить параметры неравенства пожилых людей в регионах Российской Федерации путем сравнения коэффициентов неравенства для пожилых людей и трудоспособного населения внутри каждого региона и коэффициентов неравенства внутри населения старших возрастов в различных регионах России.

Методы исследования. В работе использованы результаты Комплексного наблюдения условий жизни населения за последний доступный период 2016 года [4] и данные Федеральной службы государственной статистики [5]. Данные выбраны для возрастной группы 55+ лет. Для расчета параметров неравенства использованы следующие демографические характеристики респондентов: возраст, пол, денежный доход в среднем на члена домохозяйства. Для

измерения доходного неравенства был рассчитан децильный коэффициент (R/P 10 %) для старшей возрастной группы, квинтильный коэффициент (R/P 20 %), медианные доходы с учетом среднего денежного дохода на члена домохозяйства, состоящего только из пожилых людей. Справочно также рассчитаны децильные и квинтильные коэффициенты неравенства среди трудоспособного населения в возрасте 18–54 года по всем регионам РФ.

Результаты. Судя по официальным данным российской статистики, в целом уровень неравенства для всех категорий граждан увеличивается в течение длительного времени с 0,36 в 1996 году до 0,42 в 2015 году. Альтернативная трактовка данных по неравенству в России предлагает использовать не только опросные данные домохозяйств, но и налоговые данные. В последнем случае неравенство в России имеет тенденцию к снижению с 0,64 в 1996 году до 0,55 в 2015-м. Таким образом, различия в методиках подсчета предлагают не только разные данные, но и разные тренды.

Рис. 1. Значения коэффициента Джини для России (1995–2018 годы).

В России среди малоимущих в возрасте старше трудоспособного наблюдается значительный гендерный разрыв – среди малообеспеченных граждан на одного мужчину приходится три женщины, при том, что в трудоспособном возрасте гендерного разрыва нет [14]. Разумеется, эти данные касаются только одной специфической группы населения, часто не имеющей образования и достаточного уровня здоровья для преодоления нищеты. Тем не менее, по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) и Европейского социального исследования (ESS), женщины во всех возрастных группах старше трудоспособного возраста (55–59, 60–64, 65–69, 70–74) имеют критически более низкую занятость по сравнению с мужчинами [6]. Соответственно, представляется важным исследовать источники неравенства именно в пожилом возрасте.

В сравнении с людьми трудоспособного возраста старшее поколение в России испытывает меньшую степень доходного неравенства. Согласно выборочному наблюдению доходов населения в 2017 году, пенсионеры по старости составили самую малочисленную группу (порядка 6,7 %) среди малоимущего населения. Данные Федеральной службы государственной статистики по неравенству и бедности свидетельствуют также о критической значимости занятости для старшего поколения, поскольку среди малоимущих граждан доля неработающих пенсионеров составляет 8,2 %, а работающих пенсионеров – 0,7 % [5].

В целом по субъектам Российской Федерации разница в денежных доходах на душу населения (для всех возрастов) достаточно существенная: максимальные показатели в размере 74 559 рублей в месяц, согласно Росстату, характерны для Ненецкого автономного округа, минимальные – в размере 14379 рублей в месяц – для Республики Тыва [6]. Как следует из

таблицы 1, для этих же регионов характерны и одни из максимальных по России значения децильных коэффициентов (9,76 и 9,09 соответственно). В таблице 1 представлены значения коэффициентов неравенства для домохозяйств, состоящих только из пенсионеров (проживающих отдельно от детей и проживающих с супругом/супругой), и коэффициентов неравенства для людей трудоспособного возраста в регионах с самыми большими показателями неравенства среди пожилых (R/P 10 %>5).

Таблица 1

Коэффициенты доходного неравенства в регионах России с децильным коэффициентом неравенства для пожилых людей (R/P 10 %) выше 5 (данные КОУЖ-2016)

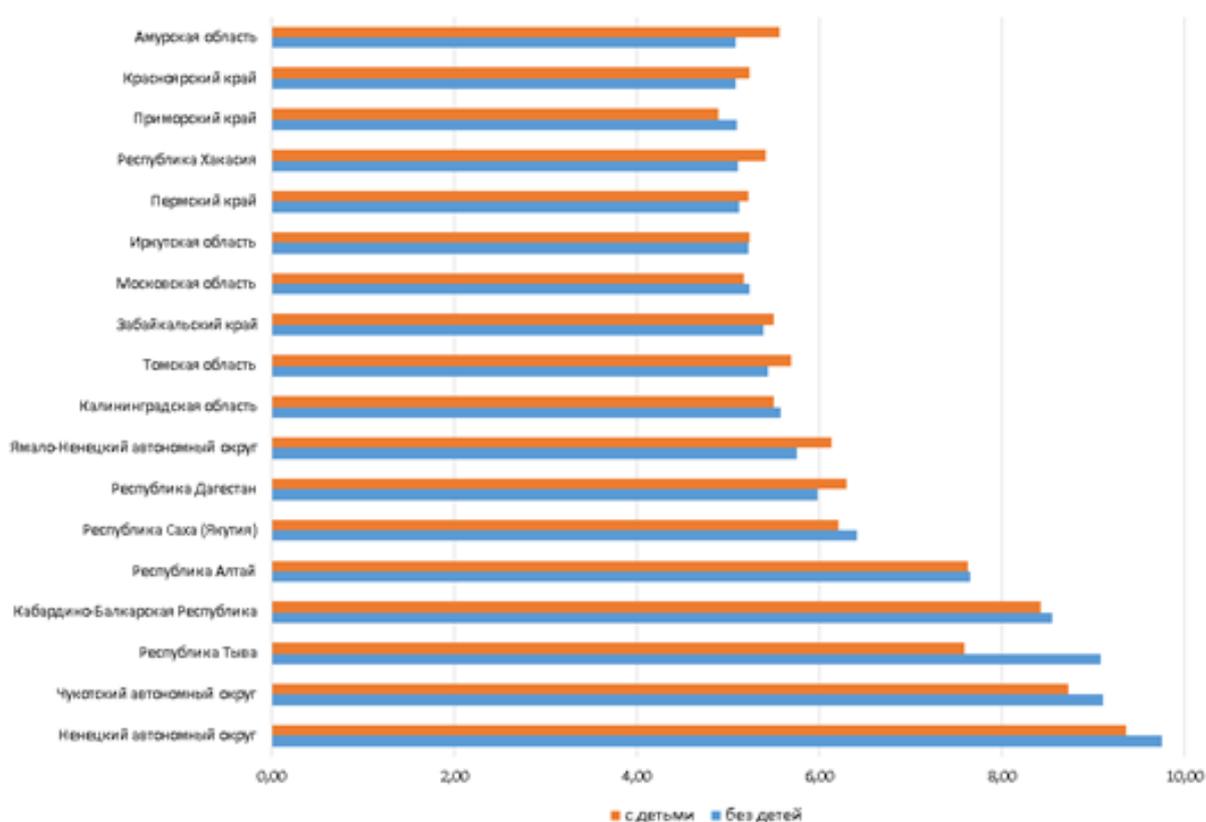
Регионы	Децильный коэффициент 55+	Квнтильный коэффициент 55+	Медианные доходы 55+	Децильный коэффициент 18–54	Квнтильный коэффициент 18–54
Ненецкий АО	9,76	3,25	27500	11,39	6,72
Чукотский АО	9,11	6,21	35000	7,41	5,23
Республика Тыва	9,09	4,48	12500	16,32	9,39
Кабардино-Балкарская Республика	8,55	5,16	12500	7,13	4,55
Республика Алтай	7,65	4,38	11667	13,45	7,26
Республика Саха	6,41	4,53	17500	14,17	8,11
Республика Дагестан	5,99	4,02	11250	7,57	4,89
Ямало-Ненецкий АО	5,76	4,02	33750	8,74	5,61
Калининградская область	5,58	3,56	13750	7,31	4,94
Томская область	5,44	3,8	17500	8,57	5,11
Забайкальский край	5,39	3,53	11667	10,39	6,5
Московская область	5,23	3,65	17500	13,61	9,17
Иркутская область	5,22	3,43	13750	10,32	6,34
Пермский край	5,13	3,44	12500	7,98	5,11
Республика Хакасия	5,11	3,55	12500	10,8	6,58
Приморский край	5,09	3,31	13750	6,79	4,55
Красноярский край	5,09	3,54	13750	11,51	6,77
Амурская область	5,09	3,48	12500	10,13	6

Значительный разрыв между средними доходами 10 % самых богатых и 10 % самых бедных наблюдается как в регионах с высокими средними доходами на душу населения (Республика Саха [Якутия], Чукотский автономный округ), так и с относительно низкими средними доходами (Республика Алтай, Республика Дагестан, Еврейская автономная область). Если же обратить внимание не на средние, а на медианные доходы, то из 18 регионов Российской Федерации с децильным коэффициентом выше 5 половина населения пожилого возраста живет практически на грани черты бедности (11–13 тысяч рублей в месяц). Исключение составляют Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, имеющие самые высокие среди территорий РФ коэффициенты северных надбавок. Таким образом, относительно высокие доходы северных и дальневосточных территорий являются скорее компенсацией за тяжелые условия проживания и не свидетельствуют о высоком качестве жизни населения, в том числе старшего поколения. Медианные доходы в условиях выраженного доходного неравенства оказываются на уровне существенно ниже средних и дают более точную картину доходов «среднего пожилого человека» в конкретном регионе. Медианные доходы пожилых людей, проживающих в субъектах РФ, демонстрирующие минимальные значения децильного

коэффициента (от минимального 2,43 в Белгородской области и выше), везде без исключения являются низкими, в среднем на уровне 13–13,5 тысячи рублей в месяц.

В регионах, имеющих наибольшие значения децильных коэффициентов для пожилых людей, наблюдается также значительный разрыв между молодыми и пожилыми. Неравенство среди трудоспособного населения оказывается до двух раз выше неравенства среди пожилых. Исключение среди самых «неравных» регионов составили Чукотка и Кабардино-Балкария, где уровень неравенства среди молодых меньше в сравнении с пожилыми.

С учетом формулировки вопроса, на основании которого определяется уровень дохода (средние доходы на члена домохозяйства), значительное влияние может оказывать присутствие детей в домохозяйстве и учет доходов детей (или расходов на детей) при расчете средних величин доходов (рис. 2).

Рис. 2. Децильные коэффициенты неравенства для домохозяйств, состоящих только из пожилых людей и домохозяйств, включающих пожилых людей и детей для регионов РФ с R/P 10 % > 5 для пожилых людей.

В случае включения в выборку домохозяйств с детьми уровень неравенства среди пожилых в 59 регионах из 85 (почти в 70 % случаев) растет, причем в некоторых регионах до 2 единиц (Республика Тыва). Присутствие детей в домохозяйстве может влиять на средние доходы как в положительную, так и в отрицательную сторону, в зависимости от направления межпоколенческих трансфертов.

Выводы. Сравнение параметров неравенства российских пожилых людей в разных регионах позволяет сделать вывод о существенном разрыве между наиболее обеспеченными и наименее обеспеченными представителями данной возрастной группы. Регионы, не имеющие особого географического, климатического или столичного статуса, показывают меньшие масштабы неравенства, однако это условное равенство представляет собой равенство в бедности, с учетом критически низких медианных доходов пожилых людей, близких к уровню прожиточного минимума. Напротив, в северных, столичных и дотационных регионах разрыв между наиболее и наименее обеспеченными выше, как и медианные доходы пожилых граждан.

Литература

1. Доклад о неравенстве в мире 2018: основные положения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Капелюшников Р. И. Феномен старения населения: экономические эффекты. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 50 с.
3. Капелюшников Р. И. Экономическое неравенство – вселенское зло? [Текст]: препринт WP3/2019/01 / Р. И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 28 с. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»).
4. Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html, свободный. – Загл. с экрана.
5. Неравенство и бедность / Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/13723>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Старшее поколение / Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/, свободный. – Загл. с экрана.
7. Цели ООН в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>, свободный. – Загл. с экрана.
8. Ahn O., Choi S. H. (2018) Predictors of health inequalities in older adults and one-person households during 2010-2015. *International Journal of Elderly Welfare Promotion and Management*. Vol. 2 (1). P. 27–32.
9. Chen M.-C., Chen K.-M. (2017) Economic and living statuses of community-dwelling older adults and the related factors. *Geriatrics and Gerontology International*. 17(10): 1689-1697.
10. Cosco T. D., Cooper R., Kuh D., Stafford M. (2018) Socioeconomic inequalities in resilience and vulnerability among older adults: A population-based birth cohort analysis. *International Psychogeriatrics*. 30(5): 695–703.
11. Diener E. I., Tay L. (2015) Subjective well-being and human welfare around the world as reflected in the Gallup World Poll. *Int J Psychol*. 50(2):135-49.
12. Dupre M. E. (2007) Educational differences in age-related patterns of disease: reconsidering the cumulative disadvantage and age-as-leveler hypotheses. *J Health Soc Behav*. 48(1):1-15.
13. Early J. F. (2018) Reassessing the Facts about Inequality, Poverty, and Redistribution. Washington: Cato Institute Policy Analysis Paper. No. 839. *Journal of Economic Inequality*. Vol. 13. No. 4.
14. European Social Survey (ESS). [An electronic resource]. Access mode: <http://www.europeansocialsurvey.org/>, свободный. – Загл. с экрана, free. Heading from the screen.
15. Kok A. A. L., Aartsen M. J., Deeg D. J. H., Huisman M. (2016) Socioeconomic inequalities in a 16-year longitudinal measurement of successful ageing. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 70:1106-1113.
16. Ngamaba K. H., Panagioti M., Armitage C. J. (2018) Income inequality and subjective well-being: a systematic review and meta-analysis. *Qual Life Res*. 27 (3):577-596.
17. Schneider S. M. (2016) Income Inequality and Subjective Wellbeing: Trends, Challenges, and Research Directions *J Happiness Studies*. 17: 1719.
18. Sen A. K. (1997) From Income Inequality to Economic Inequality *Southern Economic Journal* Vol. 64. No. 2. P. 383–401.
19. Sen A. K. (1983) *Poor, Relatively Speaking*. *Oxford Economic Papers*, 35, 153–169.
20. Sheikh M. A., Abelsen B., Olsen J. A. (2017) Education and health and well-being: Direct and indirect effects with multiple mediators and interactions with multiple imputed data in Stata. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 71(11): 1037–1045.

References:

1. Doklad o neravenstve v mire 2018: osnovnye polozeniya. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
2. Kapelyushnikov R. I. Fenomen stareniya naseleniya: ekonomicheskie efekty. – M.: Institut ekonomiki RAN, 2019. – 50 s.
3. Kapelyushnikov R. I. Ekonomicheskoe neravenstvo – vselenskoe zlo? [Tekst]: preprint WP3/2019/01 /R. I. Kapelyushnikov; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. – 28 s. (Seriya WP3 «Problemy rynka truda»).
4. Kompleksnoe nablyudenie uslovij zhizni naseleniya (KOUZH). [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
5. Neravenstvo i bednost' / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.gks.ru/folder/13723>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
6. Starshee pokolenie / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
7. Celi OON v oblasti ustojchivogo razvitiya. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
8. Ahn O., Choi S. H. (2018) Predictors of health inequalities in older adults and one-person households during 2010-2015. *International Journal of Elderly Welfare Promotion and Management*. Vol. 2 (1). P. 27–32.
9. Chen M.-C., Chen K.-M. (2017) Economic and living statuses of community-dwelling older adults and the related factors. *Geriatrics and Gerontology International*. 17(10): 1689-1697.
10. Cosco T. D., Cooper R., Kuh D., Stafford M. (2018) Socioeconomic inequalities in resilience and vulnerability among older adults: A population-based birth cohort analysis. *International Psychogeriatrics*. 30(5): 695–703.

-703.

11. Diener E. I., Tay L. (2015) *Subjective well-being and human welfare around the world as reflected in the Gallup World Poll. Int J Psychol.* 50(2):135-49.
12. Dupre M. E. (2007) *Educational differences in age-related patterns of disease: reconsidering the cumulative disadvantage and age-as-leveler hypotheses. J Health Soc Behav.* 48(1):1-15.
13. Early J. F. (2018) *Reassessing the Facts about Inequality, Poverty, and Redistribution. Washington: Cato Institute Policy Analysis Paper. No. 839. Journal of Economic Inequality. Vol. 13. No. 4.*
14. *European Social Survey (ESS). [An electronic resource]. Access mode: <http://www.europeansocialsurvey.org/>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana, free. Heading from the screen.*
15. Kok A. A. L., Aartsen M. J., Deeg D. J. H., Huisman M. (2016) *Socioeconomic inequalities in a 16-year longitudinal measurement of successful ageing. Journal of Epidemiology and Community Health.* 70:1106-1113.
16. Ngamaba K. H., Panagioti M., Armitage C. J. (2018) *Income inequality and subjective well-being: a systematic review and meta-analysis. Qual Life Res.* 27 (3):577-596.
17. Schneider S. M. (2016) *Income Inequality and Subjective Wellbeing: Trends, Challenges, and Research Directions J Happiness Studies.* 17: 1719.
18. Sen A. K. (1997) *From Income Inequality to Economic Inequality Southern Economic Journal Vol. 64. No. 2. P. 383–401.*
19. Sen A. K. (1983) *Poor, Relatively Speaking. Oxford Economic Papers,* 35, 153–169.
20. Sheikh M. A., Abelsen B., Olsen J. A. (2017) *Education and health and well-being: Direct and indirect effects with multiple mediators and interactions with multiple imputed data in Stata. Journal of Epidemiology and Community Health.* 71(11): 1037–1045.